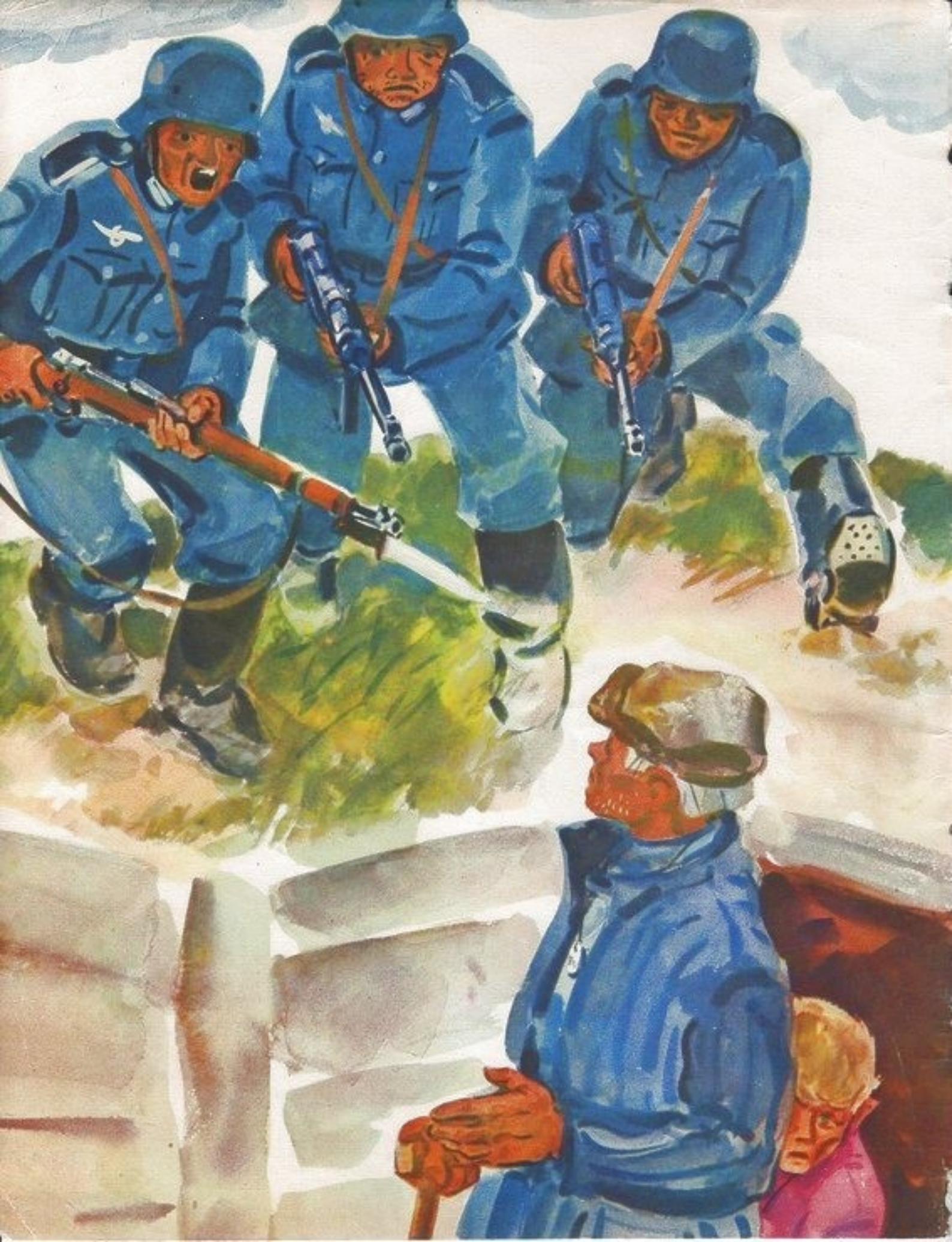

БОРИС ПАВЛОВ

Вовка - с ничейной полосы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“
1968

Вовка проснулся от страшного грохота. Земля под ним уходила куда-то. Над головой с воем проносились снаряды и, тяжело ухая, падали где-то за фашистскими окопами. Мальчик вскарабкался наверх и высунулся из траншеи. Над соседней деревней вздымались к небу огненные вспышки.

«Здорово наши бьют!» — обрадовался Вовка и вдруг услышал рядом голос отца:

— Эх, не туда бьют!.. Всё ведь у немцев в лесу — и техника, и снаряды. А в деревне нет никого... — отец сплюнул с досады и закашлялся.

— Как бы это наших предупредить? — спросил с надеждой Вовка.

— То-то и оно, как! Сидим в этой траншее, как в тюрьме.

— И умрём здесь, — слышался болезненный голос матери. — Вон как грохочет!

— Это, маманя, наши стреляют! — крикнул Вовка.

Деревня горела, и в отсветах поднимающегося зарева отчетливо проступали немецкие окопы и ряды проволочных заграждений с противотанковыми ежами в проходах. Сейчас во вражеских траншеях всё замерло. Только в окошке землянки, что стояла впереди фашистской линии обороны и где находился их дозор, на секунду мелькнул свет.

— Затаились, гады! Радуются, небось, что наши вхолостую стреляют. Ну погодите... погодите! Скоро не так повеселитесь! — Вовка, стоя на бруствере, выкрикивал свои угрозы, но они тонули в гуле выстрелов и взрывов.

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась.

«А что, если сейчас, пока гитлеровцы не очухались, перейти ничейную полосу, переплыть реку, а там уж до своих добежать можно... меньше километра...» — мелькнуло в голове у мальчика. Не раздумывая, Вовка прыгнул через траншею, сорвался и полетел вниз. Настил затрещал, со стен траншеи сыпалась земля.

— Цүрюк! Цүрюк! — раздались встревоженные голоса. Над окопом выросло сразу несколько фигур в зелёных касках.

— Кто бежал?! Отфечай! Будет стрелять!—крикнул один из них.

Вовка вскочил, морщась от боли в коленке; рядом встал отец. Над их головами тускло поблёскивали дула автоматов.

— Все здесь! Никто не бежал,—сказал отец очень спокойным голосом.—Это он упал... споткнулся в темноте и упал...—отец показал на Вовку.

Тот, кто спрашивал, спрыгнул в траншею. Мать приподнялась на своей соломенной подстилке, глаза её с тревогой смотрели на солдата. Он молча, видимо пересчитывая, ткнул поочерёдно автоматом в Вовку, отца и мать, потом прошёл несколько шагов по траншее и... вылез.

— Должен бить руиг... тихо!—приказал он, угрожающе двинув в сторону отца автоматом, и солдаты исчезли.

— Ты что, спокойно слезть не мог?!—ругался отец.—Видишь, за каждым шагом следят...

— В темноте не разглядел...—виновато оправдывался Вовка. Он лёг на своё место на дне траншеи и закрыл глаза. Отец поворчал ещё немного и тоже улёгся.

«Ничего, ничего! Всё равно я убегу, проклятые фашисты, и сообщу нашим, где вы всё прячете,—говорил себе Вовка, ворочаясь на сырой соломе.—Надо только улучшить момент, когда гитлеровцы не очень следят за нами... А эти как быстро всполошились! Только упал—уже тут как тут! Из нашей землянки прибежали, наверняка оттуда...»

Мысль о землянке сразу же вызвала у Вовки воспоминание о том, что произошло полмесяца назад. Он как сейчас помнит это утро. Они ещё спали, когда вдруг слетела с петель дверь и в землянку ворвался гитлеровец.

— Пшелы! Пшелы! Все пшелы!—за-

кричал он визгливым, пороссячим голосом. — Здесь будет немецкий зольдат!

Мать всплеснула руками и заплакала, отец молча стал собирать пожитки. Вовка не сразу сообразил, что их выгоняют. Потом кинулся помогать отцу.

— Шнель! Бистро! — гитлеровец тыкал им в спины прикладом.

Выйдя из землянки, отец повернул было в сторону деревни — там ещё стояли два полуразрушенных дома; фашисты, боясь обстрела, не жили в них. Но солдат преградил дорогу винтовкой и, направив штык отцу в грудь, заставил повернуть и погнал к заброшенной траншее. Здесь им было приказано остаться.

Так очутился Вовка с больной матерью и инвалидом отцом в траншее, на ничейной полосе, между вражеской обороной и нашим передним краем.

На шею каждому повесили жестяную бирку, на которой по-немецки было написано название деревни и личный номер. Вовка тут же попытался сорвать бирку, но гитлеровец с размаху ударил его по голове—мальчик потом долго не мог прийтись к больному месту.

Фашисты запретили им выходить из траншеи ночью. За нарушение—расстрел. Днём разрешалось в определённые часы ходить около траншеи под надзором солдат.

— Ты поняла, что задумали эти изверги?—спросил отец у матери. Та только заохала.—Это они себя обезопасить хотят, понимаешь? Узнав, что мы здесь, наши же не станут стрелять по своим. А немцам спокойнее.

— Мы не будем выходить из траншеи!—предложил Вовка.

Но как бы в ответ на его слова в окоп прыгнул солдат и погнался на прогулку. Только матери разрешили остаться. Даже гитлеровцу было видно, что она ходить не может...

Отец был прав. Прошло полмесяца, и наши не сделали ни одного выстрела по этому участку немецкой обороны. А за траншейными узниками гитлеровцы по-прежнему строго следили.

— Дожили, пособниками врагу стали,—сокрушался отец.

— Не убивайся, есть уже почти нечего, всё подьели, скоро умрём с голоду и некого им будет выводить на прогулку,—тихо говорила мать.—Только сыночка жалко, если выживет—сиротой останется!—И мать принималась плакать. Сил у неё не было, и плакала она беззвучно, потому особенно горестно.

— Что ты, мамань, все живы будем! Наши скоро в наступление пойдут, выбьют фашистов, освободят нас, тебя лечить будут,—так заканчивал обычно Вовка этот невесёлый разговор.

И голодно было, и дождик мочил, и давно уже опостылело сидеть в этой грязной траншее, но Вовка понимал, что надо терпеть... И терпел.

Незаметно высунувшись из окопа, он часами наблюдал за тем, что делается на вражеской стороне. И за эти полмесяца невольно запомнил, где у них стоят пулемёты, пушки, где находятся наблюдательные пункты, офицерские блиндажи, кухни, обозы... Вся жизнь гитлеровцев была у него как на ладони. А когда ему наскучивало это занятие, мальчик переходил на другую сторону окопа и с надеждой смотрел на наши пози-

ции. Но они находились не так близко, и Вовка мало что мог разглядеть.

Вовке было уже десять лет. Он видел, как мучаются мать и отец. На его глазах фашисты сожгли родную деревню, убили многих жителей, и мальчик ненавидел гитлеровцев лютой ненавистью. С врагом надо бороться, мстить ему, но как? Вовка строил один план фантастичнее другого, но сам понимал их несбыточность...

Но сегодня ночью этому бездействию пришёл конец. Вовка знал, что он будет делать...

□

Гитлеровцы не разрешали им ходить за водой к реке. Отец приделал к накренившимся доскам настила берестовый желобок, по нему, когда шёл дождь, стекала вода в стеклянную банку. Ей и пользовались.

Когда рассвело, Вовка открыл глаза, посмотрел, что отец и мать ещё спят, осторожно, чтобы не разбудить их, встал и, захватив банку, вылез из траншеи. Он не чувствовал особенного страха, только лёгкий холодок в груди. Подняв над головой банку — пусть видят, что он идёт за водой, — Вовка пошёл вниз, в сторону реки. Его никто не окликнул... Он ускорил шаг.

«Нет, к реке я сегодня не пойду, далеко, сверну в овраг, там ручей. Пусть привыкнут к тому, что я хожу за водой. А потом начну ходить к реке... Вот и овраг».

Вовка спустился на дно оврага и пошёл к ручью. Он ещё не верил, что всё так сошло ему, ждал, что вот-вот кто-то побежит за ним или начнёт стрелять. Овраг был глубокий, сплошь заросший высокой травой и кустарником. И мальчик с наслаждением вдыхал свежий запах зелени. А вот и ручей. Вовка сел на корточки, подставил под струйку едва пульсирующего фонтанчика банку и вдоволь напился. Потом вымыл руки, лицо. Он на мгновение забыл о грозящей ему опасности. И вода была вкусна, и солнце приятно грело, и очень уж хотелось растянуться на траве, полежать. Но немецкая речь, неожиданно прозвучавшая совсем рядом, заставила мальчика вздрогнуть. Он тихонько отполз от родника и спрятался в кустах. Это был патруль. Солдаты шли, оживлённо переговариваясь, и Вовка понял, что идут они не за ним. Вот они прошли овраг, поднялись наверх и направились в сторону деревни.

Вовка облегчённо вздохнул, набрал в банку воды и пошёл к траншее. Подниматься по крутому склону оврага с полной банкой было не легко, мальчик дорожил каждой каплей, смотрел под ноги, чтобы не зацепиться. Но вот подъём кончился, и Вовка поднял голову—перед ним стоял вражеский солдат. Он молча забрал у него банку, посмотрел её на свет и вылил воду в свою флягу. Потом уже из фляги сделал несколько глотков, и его толстое, заросшее грязно-рыжей щетиной лицо расплылось в улыбке.

— Гут! Зеер гут! Карашо! — одобрительно рявкнул солдат и похлопал Вовку по плечу.

— Я за тебя всё видады! — добавил он.

Вовка ничего не ответил, переложил банку из одной руки в другую и пошёл к себе. «Чёрт с ней, с водой! Важно, что немец не ругал меня за уход. Завтра я пойду снова, потом ещё и ещё. Всё хорошо», — рассуждал довольный Вовка.

— Что же ты, сынок, угробить нас раньше времени хочешь! — запричитала мать, когда Вовка спрыгнул в траншею. — Неровен час выстрелят и всё! Что для них мальчик! Сказано сидеть и сиди!

— Воду в реке брал?—испытующе глядя на Вовку, спросил отец.

— Нет, в овраге...

Отец задумчиво покачал головой, но больше ничего не спросил.

□

На другое утро Вовка опять собрался за водой, но не успел вылезти из траншеи, как раздался знакомый крик «Цу-рюк!». Решил подождать до вечера. Вечером Вовка предварительно выглянул из окопа и увидел того самого солдата, что забрал у него воду. Тогда он смело перелез через бруствер, встал и, подняв над головой банку, направился к оврагу. Его опять никто не остановил, но когда он возвращался, повторилось то, что было в первый раз,—солдат отобрал воду.

Когда мать уснула, отец вдруг наклонился к Вовке и сказал шёпотом:

— Завтра этот немец караулит утром, попробуй сходить за водой к реке.

— Хорошо, батя!—Вовка ликовал. Отец поддерживает его план. Значит, он правильно задумал.

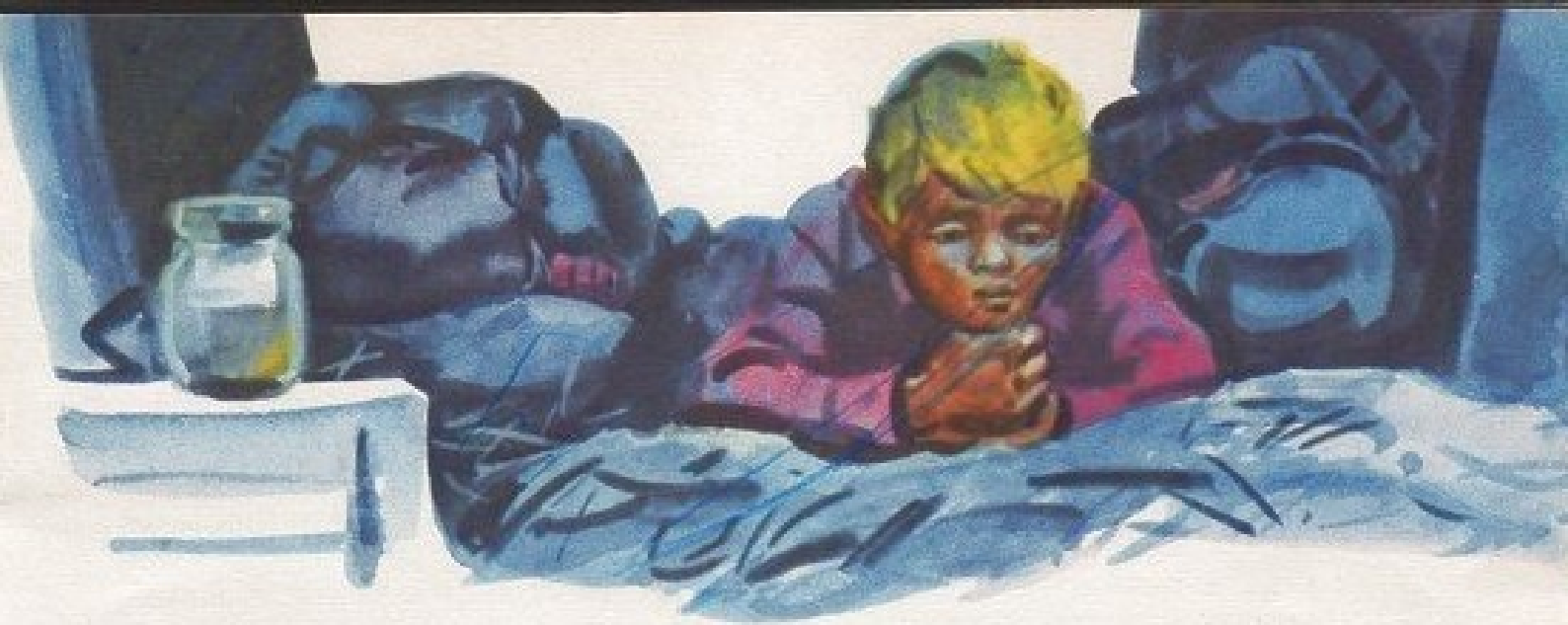
Как и предполагал отец, утром дежурил тот самый толстый солдат.

Вовка взял банку и, особенно высоко подняв её над головой, пошёл быстро к реке. Солдат вскинул автомат, но потом медленно опустил его и, приложив к каске руку, стал следить за мальчиком. Набрав воды, Вовка почти бегом вернулся к траншее.

В банке мало осталось воды, но немец также аккуратно перелил её во флягу и с удовольствием выпил.

«Если ничего не случится, то толстый немец должен нести караул завтра вечером. Значит, до побега осталось два дня»,—подсчитывал Вовка.

— Пойдёшь попозднее, когда начнёт смеркаться,—советовал отец.—Держись правее, там густые кусты, скроешься... Старайся плыть больше под водой, вынырнешь и опять под воду... Что ещё, сынок? Держись ближе к тростнику, спрятаться можно. Как переплывёшь реку, не беги. Отсюда пулемёты могут срезать. Слышишь... Ползком доберёшься до наших. Ползком... Там воронки есть. Прячься, если обстрел. Так медленнее, но

зато цел будешь. Всё понял, сынок! Если не дойдёшь, себя погубишь и дело провалишь. Ну, а нашим всё расскажешь, небось, наизусть выучил, где и что у немцев... Матери ни слова! — отец говорил медленно, с трудом находил нужные слова.

□

В тягостном ожидании прошёл день. Вовка лёг пораньше, чтобы быстрее наступило завтра, но долго не мог уснуть, всё беспокоился, вдруг на вечер вместо того толстого назначат другого солдата. Или фашисты решат пойти в наступление — не зря же они столько техники в лес навезли. Или ещё чего-нибудь такое случится, и весь план сорвётся... Нет, этого не может быть! Он обязательно доберётся до своих и сразу же попросит, чтобы его повели к самому главному командиру, генералу, он хочет сообщить ему важные сведения... Вот Вовка входит в землянку, генерал весь в орденах, на плечах у него, как у Чапаева, бурка.

— Кто ты, мальчик? — спрашивает генерал.

— Я Вовка — с ничейной полосы, слышали?

— А-а-а! Слышал! Слышал! Как же тебе удалось от фашистов убежать?

И Вовка ему всё расскажет: и про свой план, и про то, как перехитрил толстого гитлеровца, и как убежал.

— Настоящий ты герой, Вовка! — скажет генерал при всех других командирах. А Вовка ему:

— Я, товарищ генерал, не так пришёл, я ценные сведения принёс.

И тогда генерал и его помощники сядут вокруг Вовки и станут всё, что он будет рассказывать, записывать. А потом генерал скажет:

— Спасибо тебе, Вовка! Действовал ты, как настоящий разведчик. Здорово ты выручил нас!—Скинет свою бурку:—Пожись, до утра на ней отдыхай, а утром двинемся на врага...

И вот уже Вовка на командирском танке подъезжает к траншее, и отец с матерью обнимают Вовку...

Уснул Вовка только под утро. И снилось ему, будто он вместе с толстым солдатом идут по мосту через речку, солдат держит в руках здоровенную флягу и говорит Вовке:

— Брось её, она никому не нужна. А Вовка отвечает:—Её нельзя бросать, в ней ценная вода, её надо донести до другого берега...

Потом вместо солдата оказался отец, уже он нёс флягу, а гитлеровец целился в неё из автомата...

Проснулся Вовка поздно и почти целый день не отрывал глаз от вражеских окопов—вдруг в обороне у фашистов что-то изменилось, а он не заметит и принесёт ложные сведения.

Отец несколько раз уводил его в дальний конец траншеи, проверял, запомнил ли Вовка, что нужно сказать нашим, и подолгу объяснял, как сберечься в случае бомбёжки, артобстрела или если гитлеровцы начнут преследовать... «Впрочем, в реку они из-за тебя не полезут»,—каждый раз повторял он, видимо, успокаивая и Вовку и себя. Глаза его смотрели сурово, строго. Но Вовке иногда казалось, что в них мелькают слёзы.

Солнце, наконец, начало прятаться за кромку леса. Из землянки вышел знакомый солдат, походил немного, потом сел, поставил между ног автомат и снял каску. Толстое лицо его было сегодня гладко выбрито и лоснилось, глазки сладко щурились, видимо, он только что сытно поел и настроен был весьма благодушно.

— Пора, сынок! Надо идти!—сказал отец тихо и судорожно обнял Вовку, уколол мокрой щетиной.

Мальчик ловко выбрался из траншеи, отец подал ему банку. Вовка показал солдату банкой в сторону реки, тот махнул рукой, и Вовка пошёл. Он шёл медленно, останавливался, разглядывал попадавшиеся на дороге цветы. Только начало смеркаться, надо было выиграть время.

От реки потянуло вечерней свежестью, лёгкий ветерок принёс запах рыбы, водорослей... Берег был крутой. Хватаясь за ивовые кусты, мальчик стал осторожно спускаться по узкой тропинке. Вот и вода. Он остановился, ноги проваливались в сырой песок. Лёгкие волны шуршали у береговых камышей. Вдали, ближе к тому берегу, темнел островок, заросший тростником.

Вовка постоял немного, набрал в банку воды, напился и... юркнул в ближайшие кусты. Тихо! Ни стрельбы, ни криков! Беглец притаился и стал смотреть на быстро темнеющее небо. Ещё немного — и можно будет плыть.

Вдруг с той стороны послышался нарастающий гул — шли бомбардировщики. «Наши!» — по звуку определил Вовка. И тут же заговорили гитлеровские зенитки, в небо потянулись разноцветные нити трассирующих пуль. Заметались, как длинные огненные мечи, лучи прожекторов.

«Самое время!» — решил Вовка. — Теперь им не до меня». Он вылез из кустов и тихонько нырнул. Вода обожгла его, но он заработал руками и ногами — и стало легче. Он плыл под водой, пока не зазвенело в ушах. Сердце готово было выскочить из груди. Тогда он вынырнул и оглянулся, жадно вбирая в себя воздух. По небу ещё шарили прожекторы, надрывались зенитки, но шум моторов стихал. «Надо спешить!» — мелькнуло в голове мальчика. — Хотя бы до острова добраться, пока бьют

зенитки». Он набрал полную грудь воздуха и нырнул, с силой загребая руками и отталкиваясь ногами. Когда стало совсем невмоготу, вынырнул. До острова было уже не так далеко.

Прожекторы исчезли, зенитки гремели уже где-то далеко, в тылу у немцев. Стало совсем темно, и Вовка решил, что можно плыть так, с берега его не заметят. Вблизи острова было сильное течение. Вовка стал плыть саженками, быстро выбрасывая руки... и не заметил, как ткнулся головой в тростник. Подрезанный пулями, он торчал, точно сломанные кинжалы. Мальчик выполз на песок и прислушался. С вражеского берега доносились голоса, раздавались крики. И тут же ночную тишину прорезала длинная захлёбывающаяся пулемётная очередь, за ней другая, застрочили автоматы...

Над головой Вовки засвистели пули—как-будто бешеный град ударил по тростнику.

Вовка пригнулся к песку и медленно пополз в глубь острова, часто останавливаясь. Казалось, что пули свистели со всех сторон. А вот и окопчик. Он его запомнил ещё с прошлого лета. Вовка сполз в него. «Ну, здесь уже не опасно,—с облег-

чением вздохнул он.—Пережду, пока кончат... Течение подвело. Можно было бы тихо выплыть, с берега бы не услышали... А может, это толстый всполошился и они палят по острову, потому что, куда ещё я мог деваться...

Долго ли они ещё будут стрелять?! Лето, а холодно лежать, одежда мокрая... Хоть бы, пока не рассветёт, добраться до своих... Или хотя бы до того берега доплыть... Вот, кажется, стрельба понемногу стихает».

Когда стрельба совсем стихла, Вовка, раздвигая тростник, стал осторожно, на четвереньках, пробираться на другую сторону острова. Тростник царапает лицо, впивается в руки, ранил ноги... Ползти на четвереньках неудобно, тяжело, быстро немеют руки и ноги... Вот и вода! Вовка вытягивается на песке, лежит так несколько минут. Вражеский берег молчит. Вовка тихо сползает в воду и ныряет. Очень холодно. Выныривает, поворачивается на спину и легонько, почти без всплесков, плывёт... Наконец отдышался и вдруг чувствует, что попал в полосу течения, его сносит влево, на открытое место. «Могут заметить!». Вовка напрягается, делает несколько сильных взмахов и вырывается из опасного потока. С берега опять стреляют... Вовка ныряет и долго, из последних сил, плывёт под водой. Выныривает... Берег рядом. Несколько отчаянных движений—и Вовка уже на песке. Кажется, стреляют отовсюду. Пули свистят, падают в воду, взмываются фонтанчики песка. Мальчик прижимается к песку и ползёт. Воронка! Вовка скатывается вниз. Теперь в пулемётные очереди врывается вой мин. Осколки со свистом пролетают над воронкой и, шипя, впиваются в песок.

Вовка лежит на дне воронки и дрожит от холода и страха... Кругом всё грохочет, свистит, взрывается... Хочется бежать, но куда? Как ни страшно Вовке, но он понимает, что, высунись он из воронки, и его убьют. И он лежит, свернувшись в комок, и бессильно всхлипывает.

Грохот нарастает, но это уже стреляют наши. Вовка перестаёт плакать и высовывается из воронки. На том берегу вздымаются столбы воды и песка. Пока наши бьют, надо ползти! Он выбирается из воронки и ползёт вверх. Вот ещё одна воронка, Вовка огибает её и ползёт дальше. Ему кажется, что стреляют только наши. Он уже хочет встать и бежать, как вдруг перед ним огнём вздымается земля, и он летит куда-то...

Вовка очнулся и не мог сразу сообразить, где он. Над ним склонились какие-то лица в касках.

— Жив мальчишка! Жив!—говорит один из них, усатый.

— Жив я,—подтверждает тихим голосом Вовка.—А вы свои, русские?

— Свои, свои! А вот ты как сюда попал, в такое пекло?—спрашивает усач.

— Сейчас, Трофимыч, не время разбираться,—перебил его другой, безусый, с офицерским ремешком через плечо.

Вовке дали выпить воды из фляжки, потом взяли с двух сторон подмышки и ползком потащили с собой.

— У меня уши заложило или взаправду не стреляют?—спрашивает Вовка.

— Поутихло малость,—отвечает усатый.

— А вы кто, разведчики?—допытывается Вовка.

— Такие же, как и ты!—последовал ответ.

Вовка промолчал, а потом через некоторое время сказал:

— Вы меня только к самому главному командиру ведите, у меня к нему дело.

— Как же, к самому генералу доставим, чтобы он тебе всыпал,—строго сказал усатый, но Вовка почувствовал, что говорит он беззлобно.

— Стой! Кто там?—раздался окрик.

— Аникин, это мы,—ответил безусый.

— Что, товарищ лейтенант, языка взяли?!

— Если бы, а то просто языкатого пацана... Отведёшь, Тро-

фимыч, его в нашу землянку, пусть переоденут и покормят.— И лейтенант прыгнул в окоп.

— Я не хочу есть,—закричал Вовка,—ведите меня к главному командиру! Я не вру, у меня важное дело.

— Может, и вправду у него дело, товарищ лейтенант,—сказал усатый.

Лейтенант ничего не ответил, взял Вовку за руку и повёл с собой.

«Куда это он меня ведёт?—забеспокоился Вовка...—А всё-таки здорово, что я у своих... А этот усатый, видно, добрый дяденька... Ага, вот и землянка. У землянки часовой. Значит, всё-таки к начальству ведёт».

Лейтенант открыл дверь.

— Разрешите, товарищ майор?

— Войдите!

Лейтенант пропустил вперёд Вовку и вошёл, захлопнув дверь. Посередине землянки стоял стол. Бритоголовый дяденька в зелёных погонах склонился над картой.

— Ну, что скажете?—спросил майор.

Вовка решил, что вопрос относится к нему.

— Я Вовка... с ничейной полосы.

Майор резко поднял голову. Перед ним стоял босой, в грязной, мокрой одежде русоволосый мальчишка и вопросительно глядел на него по-детски широко раскрытыми серыми глазами.

— Так это ты с отцом прогуливаешься каждый день у старых траншей на той стороне?

— Да я... фашисты заставляли,—виновато ответил Вовка.

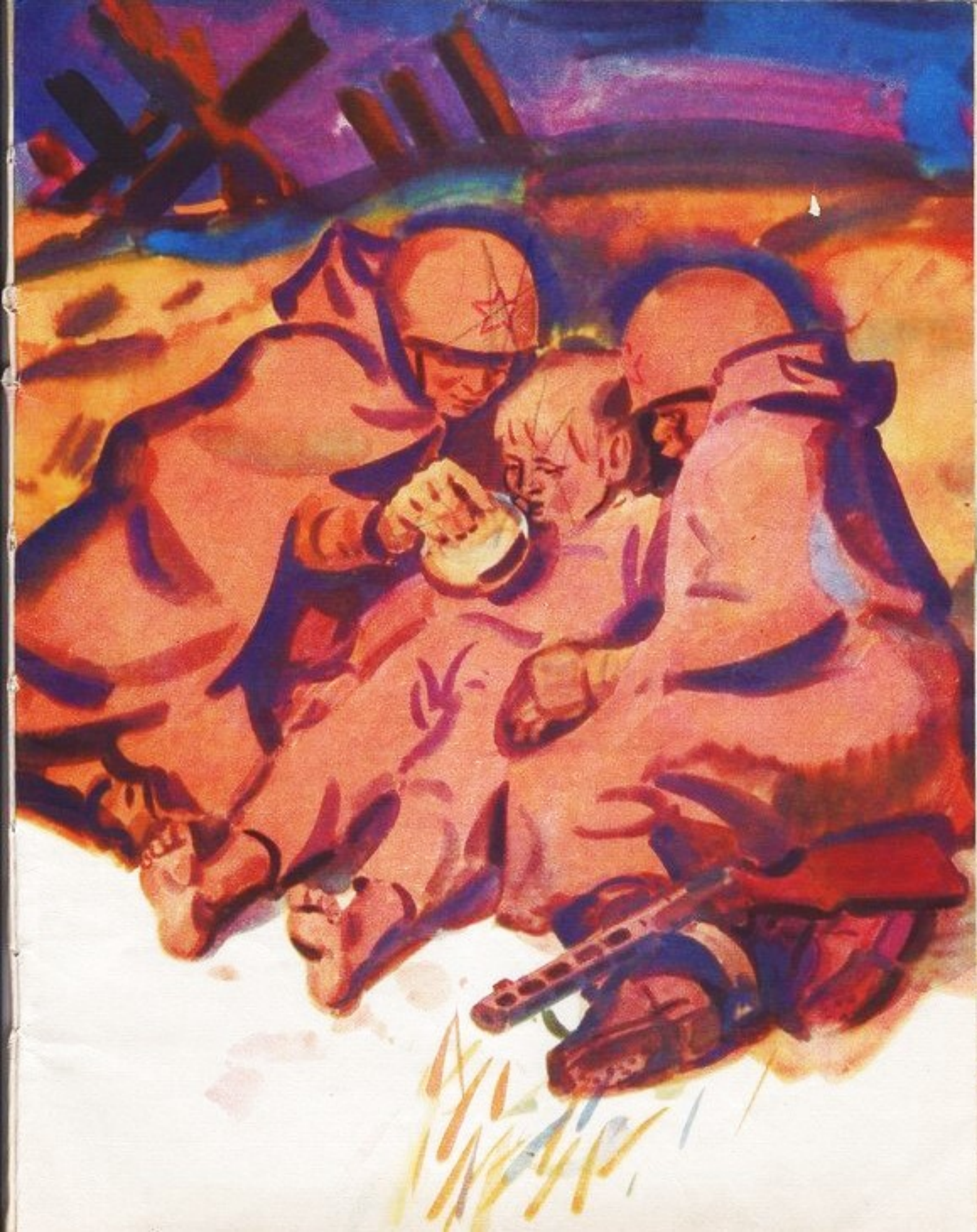
— Как он сюда попал?—майор повернулся к лейтенанту.

— Подобрали, товарищ майор, на нашей стороне, землёй присыпало.

— Как же ты добрался до нас, герой? Садись, рассказывай. Калиниченко! Принеси что-нибудь поесть мальчику.—Появился молоденький солдат в лихо сдвинутой набок пилотке. Глаза его удивлённо остановились на Вовке. Потом он чётко повернулся и исчез.

Вовка стал рассказывать всё по порядку. Майор очень внимательно слушал, иногда прерывая рассказ Вовки восклицаниями: «Молодец, правильно!».

Когда Вовка рассказал о том, как одурачил толстого гитлеровца, чёрные живые глаза майора весело заблестели.

— Молодец! — подытожил рассказ Вовки майор. — Геройски ты себя вёл! Ну, а теперь самое главное... Да, но сначала ты поешь...

Вовка посмотрел на стол. Перед ним стояла тарелка с колбасой, хлеб и кружка горячего чая.

Вовка набросился на еду — давно он ничего подобного не ел.

— Ну, выкладывай, что ты знаешь про немцев и их оборону, — сказал майор, увидев, что Вовка перестал есть. Вовка, лёжа в траншее, столько раз повторял про себя эту часть своего рассказа, что сейчас выпалил всё наизусть, без запинки. Майор едва успевал следить за ним.

— Так, так! — говорил он, занося всё, что рассказывал Вовка, в блокнот. — Как раз этого нам и не доставало! Вы, лейтенант, лучшего языка и не могли бы привести... Ну, герой, так

герой! Он даже сам не представляет, какую помощь оказал нам... Прямо чудеса!—майор весь светился от радости.

— Ложись теперь на мою постель... Калиниченко, пусть мальчишку помоют и переоденут, а я пойду доложу генералу. Вот обрадую!...

□

Утром Вовка проснулся от рёва моторов и орудийных залпов. Он выскочил из землянки. К реке двигались танки, за ними бежали солдаты с автоматами и винтовками. Некоторые сидели прямо на танках.

— Куда это они?—спросил Вовка.

— В наступление пошли!—ответил Калиниченко.—Реку с ходу форсировать будут.

Прямо над головой, сотрясая воздух, низко прошли самолёты с красными звёздами на крыльях.

— Ну, началось! Сейчас штурмовики дадут фашистам жизни! — радостно сказал Калиниченко.

— А где майор? — спросил Вовка.

— Приедет за тобой, подожди. Меня приставил к тебе, чтобы ты не вздумал убежать... Ну, пошли умываться и будем завтракать...

Когда Вовка с Калиниченко снова вышли из землянки, часть танков была на той стороне реки. Калиниченко дал мальчику бинокль, и Вовка видел, как танки «утюжили» окопы гитлеровцев. Над лесом, где фашисты прятали технику, стояли столбы чёрного дыма и кружились, пикируя, самолёты... А к реке всё шли и шли тягачи с пушками, автомашины, тянулись повозки...

Вовка первый раз в жизни держал в руках бинокль, растерялся и не знал, куда раньше смотреть — везде было интересно. И не услышал, как рядом с землянкой остановился «Виллис». Он оглянулся, когда его окликнули. В машине сидели отец с матерью и солдат-шофёр. Вовка бросился к ним...

— Ну, вы оставайтесь, а я — к своим. И так самое интересное пропустил! — весело крикнул Калиниченко, сел в «Виллис» и умчался туда, где гремел бой.

□

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Потапович Павлов
ВОВКА С НИЧЕЙНОЙ ПОЛОСЫ

Художник В. Маркин

Редактор М. Гольдфельд Художественный редактор Г. Коптелова
Технический редактор Т. Щепетова Корректоры Н. Семенова и Н. Пьянкова
Сдано в набор 30/XII-67 г. Подписано в печать 18/IV-68 г. Бумага офсетная № 1
Формат 60×90¹/₂ Печ. л. 2,5 Уч.-изд. л. 2,47 Тираж 150 000 Изд. № 181 Заказ 372
Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
Москва, А-55, Бутырский вал, 68

Калужинский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
Калужини, проспект 50-летия Октября, 8